

в котором структура и концепт однообразны и мало информативны, а субстрат развит. Модели усвоения знания в том и другом случае различны. Знание первого типа — это математически обработанное. Второй тип представляет гуманитарное знание. Для усвоения знания первого типа нужны способности к рефлексии при постепенном увеличении ее ранга. Для усвоения знания второго типа — способности к запоминанию, а не собственно пониманию. Это обстоятельство следует учитывать при оценке знаний студентов: не всегда вызубренный ответ заслуживает высшего балла, равно как и ответ по шпаргалке по билету при способности ориентироваться во всем материале и решать задачи нельзя оценивать низшим баллом.

Индуктор и, в частности, преподаватель, объясняющий материал, ставит перед собой задачу не только дать какую-то информацию по своему предмету, но и сделать ее понятной непосвященному. Для этого он должен сообщить не только прямую информацию, но и метаинформацию, в которой сообщается, каким образом конструировать из нее систему. Введение метаинформации связано с введением отношений второго порядка в процесс объяснения. Для И. Канта — это повышение ранга рефлексии в процессе развития рефлексивной способности суждения.

¹ Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1977.

Синтактико-семантические принципы порождения терминов в текстах И. Канта

И. Д. Копцев

(Калининградский государственный университет)

Философский текст в его классической форме и, в частности, текст Канта — это не в последнюю очередь текст дефинитивный, в основе построения которого лежат специфические процедуры интеллектуальной деятельности, предназначенные отправителем речи для введения в тезаурус адресата новых терминов, элементарных имен и дескрипций, а также новых смыслов для уже известных или ранее введенных терминов. Сущность операции определения как посредника между субъектами интеллектуальной деятельности состоит в установлении отношений тождества (или синонимии) между определяемым компонентом (*definiendum* — сокращенно *dfd.*) и определяющим (*definiens* — сокращенно *dfn.*)¹. Как отмечает Г. И. Ахманова, слово становится термином только при условии, что «люди, нормально пользующиеся данным языком, обязательно устанавливают соответствие между более кратким или компактным обозначением данного объекта и его более развернутым или протяженным определением, или дефиницией»². Дан-

ный автор, как видно из цитаты выше, не совсем корректно трактует понятие определения, сводя его к дефиниенсу, но нас интересует здесь отмечаемый факт вторичности термина по отношению к дефиниции. О вторичности термина по отношению к дефиниции говорит также С. Е. Никитина³.

Элементарной синтаксической формой, следовательно, порождающей термины и терминологические сочетания, является форма вида (...) R (...), в которой символом (...) обозначены переменные компоненты *dfd.* и *dfn.*, а символом «R» — отношение тождества между ними. Более конкретной реализацией указанной формы является форма вида (...) sein (heißen) (...), в которой глаголы *sein* и *heißen* выполняют функцию пропозиционального оператора тождества. Например: «Verstand ist, allgemein zu reden, das Vermögen der Erkenntnisse» (181) или «Verbindung ist Vorstellung der synthetischen Einheit des Mannigfaltigen» (171)⁴.

В этой конструкции *dfd.* (Verstand, Verbindung) предполагается данным понятием, а *dfn.* ставит ему в соответствие его существенный признак. *Dfn.*, однако, представляет собой, как правило, полилексемный термин, так как он эксплицирует содержание *dfd.*, то есть он выполняет функцию экспликации *dfd.* Термины «Das Vermögen der Erkenntnisse» и «Vorstellung der synthetischen Einheit des Mannigfaltigen» являются экспликативными терминами как результат реального определения.

Более осложненной конструкцией является такая, в которой *dfn.*, выступающий в синтаксической функции предикатива, представлен йота-операторной дескрипцией «тот..., который...». Например: «Die transzendente Einheit der Apperzeption ist diejenige, durch welche alles in einer Anschauung gegebene Mannigfaltige in einen Begriff vom Objekt vereinigt wird» (185).

Прагматическая функция операторной дескрипции состоит в убеждении адресата в правомерности введения понятия и ответствующего ему термина «die transzendente Einheit der Apperzeption», хотя введение этого объекта и имеет гипотетический характер.

Определительным терминопорождающим конструкциям с глаголами *sein* и *heißen* противостоят определения с глаголами *nennen*, *verstehen* в качестве пропозициональных операторов. Последние, в отличие от первой пары, имеют референцию к субъекту рассуждения, то есть автору. Определения этого вида можно назвать прагматическими, так как они связаны более непосредственно с субъектами интеллектуальной коммуникации и направлены на расширение тезауруса адресата за счет введения новых терминов или переквалификации уже существующих в его словаре терминов. Эти определения являются также синтетическими, так как они определяют значение вновь вводимого в тот или иной язык термина или сознательно уточняют прежде существующие.

Большой удельный вес этого вида определений связан с сущностью самого учения Канта об активности субъекта, в частности, с принципом «я мыслю», так что формы «Ich nenne» («я именую») и «Ich verstehe» («я понимаю») представляют собой непосредственную речевую реализацию авторского «я мыслю» на определенных этапах порождения текста. Иллокутивные акты номинации и истолкования с референцией к автору как носителю речи и теории являются основным источником перекалифицирующих определений и новых терминов.

Особенностью кантовских определений является то, что в них определению подлежат не родовые понятия, а, как правило, понятия видовые. Причем выделение последних совершается с помощью определения или описания признака, по которому происходит видовое отличие производного понятия. Отсюда неперменным синтаксическим компонентом акта определения выступают придаточные предложения, либо называющие признак, по которому происходит деление базисного понятия, либо формирующие условия, при которых *dfd.* и *dfn.* вступают в синонимические и гипонемические отношения. Например: «*In der Erscheinung nenne ich das, was der Empfindung korrespondiert, die Materie derselben, dasjenige aber, welches macht, daß das Mennigfaltige der Erscheinung als in gewissen Verhältnisse geordnet angeschaut wird, nenne ich die Form der Erscheinung.*» (93).

Из примера следует, что базисное понятие «*Erscheinung*» рассматривается как данное. В нем с помощью двух дескрипций выделяются два существенных компонента понятия, представленных терминами «*Materie*» и «*Form*». Дескриптивность определения говорит о том, что в тезаурус адресата вводятся понятия и их имена, которые были ранее ему в этом качестве неизвестны. Как отмечает К. Попа, целью перерегистрирующих определений является построение и доведение до реципиента нового смысла и значения известного ему имени, то есть оно есть в его словаре, но смысл его в данном контексте не ясен⁵.

Определения с оператором глаголом «*verstehen*», имеющим референцию как к автору, так и к объекту истолкования, являются, как указывалось выше, еще одной разновидностью реализации автором принципа «я мыслю». Если определения с оператором «*nennen*» в результате взаимодействия с уровнем наблюдения поставляют теоретические мататермины, то определения с глаголом «*verstehen*» часто выступают средством истолкования терминов с методологической функцией. Например: «*Ich verstehe unter Analytik der Begriffe nicht die Analysis derselben oder das gewöhnliche Verfahren..., sondern die noch wenig versuchte Zergliederung des Verstandesvermögens selbst, um...*» (138).

Характерным для этих перекалифицирующих определений

является сам синтаксический принцип их построения по модели «nicht..., sondern...» («не... а...»), который позволяет автору выразить свое негативное отношение к предшествующим философским концепциям или общепринятой точке зрения и подчеркнуть свою. Что касается терминологии, то с помощью этой антиимпlicativeй метаконструкции производится перерегистрация в тезаурусе адресата традиционных философских терминов, вкладывается в них свое содержание и смысл.

Прагматическая функция этих определений состоит в том, чтобы построить для адресата новый смысл для уже имеющегося в его тезаурусе термина и удалить прежний. Так, в примере выше термин «Analytik der Begriffe» получает новый смысл: «...die noch wenig versuchte Zergliederung des Verstandesvermögens selbst» и удаляется прежний смысл: «Begriffe, die sich darbieten, ihren Inhalte nach zu zergliedern und zur deutlichkeit zu bringen».

Таким образом, эта синтаксическая конструкция есть конструкция, с помощью которой Кант строит свои смыслы в тезаурусе адресата на базе его прежнего терминологического аппарата.

Введение и определение объекта номинации, а также и его имени в философском тексте, как правило, не вмещается в рамки одного даже сложного предложения и требует выхода в текст. В этом случае *dfd.* может представлять собой текстовую дескрипцию, которая затем с помощью дейктического выражения идентифицируется и сокращается, а затем следует его номинация. Например: (1) «Raum und Zeit enthalten nun ein Mannigfaltiges der reinen Anschauung a priori, gehören aber gleichwohl zu den Bedingungen der Rezeptivität unseres Gemüts, unter denen... Allein die Spontaneität unseres Denkens erfordert es, daß dieses Mannigfaltige zuerst auf gewisse Weise durchgegangen, aufgenommen und verbunden werde, um daraus eine Erkenntnis zu machen (2). *Diese Handlung nenne ich Synthesis*» (3) (147).

В этом случае определение включает три компонента: 1) текстовую дескрипцию, раскрывающую содержание *dfd.*; 2) дейксивное выражение с функцией сокращения и 3) его номинацию.

Более сложной, чем описанная выше, синтаксической дефинитивной моделью, связанной с порождением терминов, является модель, схему которой можно представить как (...)*so* (...), то есть модель с *so*-оператором, как постоянным компонентом этого антецедентно-консеквентного построения, прагматическая функция которого состоит в донесении до адресата, помимо значения, смысла имени термина, также информации, связанной главным образом с аргументацией правомерности введения определенного субъекта номинации и снабжения его определенным именем.

Эта модель, как и предыдущая, имеет несколько разновидностей в зависимости от логико-синтаксической функции первого компонента конструкции. Как наиболее типичные, следует выделить модели «если... то...» с ее вариантами и модель «так как... то...» (также с вариантами). Рассмотрим следующий пример:

(1) «*Wenn ich aber die Beziehung gegebener Erkenntnisse in einem Urteile genauer untersuche, und sie, als dem Verstande Angehörige, von dem Verhältnisse nach Gesetzen der reproduktiven Einbildungskraft untersuche, (2) so finde ich, daß ein Urteil nicht anders sei, als die Art, gegebene Erkenntnisse zur objektiven Einheit der Apperzeption zu bringen*» (189).

В antecedенте (1) формируются условия, при которых тождество *dfd.* и *dfn.* в консеквенте (2) следует считать истинным. О подчеркнута утвердительной модальности выражения свидетельствует присутствие сочетания, усиливающего констатацию определения. В форме «если... то...» в данном случае устанавливается отношение тождества между компактным и длинным компонентами дефиниции.

Текст, имеющий дело с философскими понятиями и их содержанием, нуждается в многократном применении операций введения, идентификации и номинации для того, чтобы более или менее полно очертить концептуальные границы понятия и его связи с другими понятиями. Как результат повторения актов введения и номинации возникает дефинитивный дискурс, примером которого может служить нижеследующее СФЕ:

I. (1) «*In jedem Erkenntnisse eines Objekts ist nämlich Einheit des Begriffs, (2) welche man qualitative Einheit nennen kann, sofern darunter nur die Einheit der Zusammenfassung des Mannigfaltigen der Erkenntnisse gedacht wird,...* II. (3) *Zweitens Wahrheit in Ansehung der Folgen. Je mehr wahre Folgen aus einem gegebenen Begriffe, desto mehr Kennzeichen seiner objektiven Realität. (4) Dieses könnte man die qualitative Vielheit der Merkmale... nennen* III. (5) *Endlich drittens die Vollkommenheit, die..., welches man die qualitative Vollständigkeit nennen kann*» (156—157).

Как следует из приведенного СФЕ, операция введения объекта и операция его номинации повторяется трижды. Каждая фаза поставляет термин в тезаурус адресата, а именно: «*qualitative Eiheit*», «*qualitative Vielheit*», «*qualitative Vollständigkeit*». Все три гиперонима тесно связаны семантически, так как первый и второй находятся в отношениях тождества (как понятие и его признаки), а третий обозначает понятие, в котором синтезированы два предыдущих.

Определяющий компонент данных билексемных терминов выполняет не функцию спецификации понятия, обозначенного определяемым им термином, как это обычно имеет место в подобной структуре, а функцию базисного элемента, связываю-

щего своей семантикой специфицированные определяемые компоненты в единое целое, то есть образуется терминологическое микрополе. Кант не употребляет, разумеется, термин «терминологическое поле», но он вводит термин «логическое место», подчеркивая, что любое понятие, любую рубрику, под которую попадают многие другие понятия («...darunter viele Erkenntnisse gehören»), можно назвать логическим местом. Формирование такого логического места происходит уже на уровне относительно элементарных синтаксических структур, рассмотренных выше, когда на основе базового понятия возникают один или несколько производных терминов, образующих, говоря словами Канта, одно логическое место, вернее было бы сказать, одно логическое микроместо. Текстовые же единицы, например, такие, как парадигматические единства, служат средством формирования логических макромест, состоящих из целого ряда так или иначе тесно связанных между собой терминов, производных от базисных терминов, относящихся к минимальному словарю теории. В этой связи произведенное выше СФЕ и порожденные им термины представляют собой логическое место, состоящее из трех билексемных терминов. Построение логического макроместа и соответствующего ему терминологического поля происходит в рамках ПЕ с помощью так называемого нами оператора парадигматизации «этот», который служит сигналом перехода к теме, выносимой на парадигматическую (вертикальную) ось текста. Рассмотрим следующий пример:

СЕ-1. «Raum und Zeit enthalten nun ein Mannigfaltiges der reinen Anschauung a priori, gehören aber... Allein die Spontaneität unseres Denkens erfordert es, daß dieses Mannigfaltige zuerst auf gewisse Weise durchgegangen, aufgenommen und verbunden werde, um daraus eine Erkenntnis zu machen. *Diese Handlung nenne ich Synthesis.*

СЕ-2. *Ich verstehe aber unter Synthesis in der allgemeinsten Bedeutung die Handlung, verschiedene Vorstellungen zueinander hinzuzutun und... Die Synthesis eines Mannigfaltigen aber... bringt zuerst eine Erkenntnis hervor...*

СЕ-3. *Die Synthesis überhaupt ist... die bloße Wirkung der Einbildungskraft..., ohne die wir überall keine Erkenntnis haben würden...*

СЕ-4. *Die reine Synthesis, allgemein vorgestellt, gibt nun den reinen Verstandesbegriff. Ich verstehe aber unter dieser Synthesis diejenige, welche...» (147—148).*

Данное ПЕ отчетливо делится на две части. Первая часть завершается оператором парадигматизации, с помощью которого идентифицируется и номинируется понятие, становящееся темой второй части ПЕ, которое в нашем примере состоит из СЕ-2, СЕ-3, СЕ-4. В СЕ-2 дается истолкование вновь введенного понятия «синтез», имя которого используется в качестве базисного термина для образования следующих полилексемных

терминов-гиперонимов: Synthesis — die Synthesis in der allgemeinsten Bedeutung — die Synthesis überhaupt — die reine Synthesis, allgemein vorgestellt.

Формулу порождения данного текста можно представить, следовательно, следующим образом: «(СЕ-1) dieser (СЕ-2), (СЕ-3) ... (СЕ-*n*)». Dfd. данного ПЕ формируется на *парадигматической оси*, он представлен комплексом, состоящим из четырех терминов: Synthesis — die Synthesis in der allgemeinsten Bedeutung — die Synthesis überhaupt — die reine Synthesis, allgemein vorgestellt. Dfn. представлен серией дефинитивных дескрипций, расположенных на *синтагматической оси текста*, а именно: СЕ-2, СЕ-3, СЕ-4.

Таким образом, dfd. и dfn. в рамках ПЕ соотносятся как парадигматическое и синтагматическое комплексные терминологические единства. Первый состоит из полилексемных терминологических сочетаний, а второй — из предикативных терминологических дескрипций.

Итак, термины, служащие выражению dfd., являются парадигматическими, а термины в функции dfn. — синтагматическими. Последние носят предикативный (рематический) характер, следовательно, они в определенной мере окказиональны, так как их функция состоит в экспликации содержания парадигматических понятий. Оператор парадигматизации переводит термин *из синтагматического плана в план парадигматический, выдвигая его тем самым в субъектную позицию.*

На уровне метаязыка, то есть там, где, по Канту, разум выполняет регулятивную функцию, построение дефинитивного ПЕ совершается не по принципу парадигматизации ремы, а по принципу родовидовых отношений между понятиями.

Принцип спецификации понятия согласно родовидовым отношениям реализуется на уровне дефинитивного метаметадискурса как принцип порождения гипонемического терминологического дерева. Например:

I. «Wenn ich unter Theologie die Erkenntnis des Urwesens verstehe, so ist sie die entweder aus bloßer Vernunft... oder aus Offenbarung... Die erste denkt sich nun ihren Gegenstand entweder bloß durch reine Vernunft... und heißt die transzendente Theologie, oder durch einen Begriff ...und mußte die natürliche Theologie heißen...

II. Die transdendentale Theologie ist entweder... und heißt Kosmotheologie, oder ...und wird Ontotheologie genannt.

III. Die naturliche Theologie schließt auf die Eigenschaften und das Dasein eines Welturhebers... Daher steigt sie von dieser Welt zur höchsten Intelligenz auf, entweder als dem Prinzip aller natürlichen, oder aller sittlichen Ordnung und Vollkommenheit. Im ersten Falle heißt sie *Physikotheologie*, im zweiten *Moraltheologie*» (681—682).

Данное СФЕ построено по типичному для дефинитивного

дискурса принципу «либо..., либо...» («entweder..., oder...»), порождающему дихотомическое отношение между понятиями: понятие теологии подразделяется на «трансцендентальную теологию» (die transzendente Theologie) и «естественную теологию» (die natürliche Theologie). Каждое из этих понятий делится затем на более узкие понятия: «трансцендентальная теология» на «космотеологию» и «онтоотеологию», а «естественная теология» на «физикотеологию» и «моральную теологию». Понятие учения влечет за собой понятие носителя этого учения, обозначенного именами Deist и Theist, вместе с коррелирующими с ними понятиями Weltursache и Welturheber. Схема данного логического макроместа такова: Die transzendente Theologie — Ontotheologie — Physikotheologie — die natürliche Theologie — Moralthologie — Deist — Theist.

Итак, в процессе порождения терминов в дефинитивном дискурсе, под которым мы понимаем текстовые структуры, состоящие из определяемого и определяющего компонентов, принимают участие все синтаксические модели философского дискурса: суждение субъектно-предикатной структуры, а также суждения имплицативной, антиимплицативной, антецедентно-консеквентной структуры, суждения, представляющие собой СФЕ (дефинитивные умозаключения и дефинитивные микро-тексты), и, наконец, дефинитивные ПЕ, выполняющие функцию текстового определения какого-либо философского понятия как концепта. Среди этих структур широко представлены структуры, отражающие авторское «я мыслю» в виде более частных иллокутивных установок, а именно «я именуую», «я истолковываю». Эти структуры выполняют функцию переквалифицирующих (авторских) определений. Их прагматическая функция состоит в замене в тезаурусе адресата прежних смыслов, связанных с теми или иными терминами, на новые или же их существенные уточнения, а также введение в его тезаурус новых терминов. Последние в своем подавляющем большинстве представляют собой билексемные и полилексемные словосочетания и даже устойчивые пропозиции, содержащие те или иные концептуальные формулировки.

Структура терминологии отражает общую концептуальную систему философа и подразделяется на термины объектного языка (эмпирический уровень), термины метаязыка (уровень теории) и термины метаметаязыка (уровень методологии теории, ее оценки, полемики и т. д.). Первые вводятся, как правило, йота-операторной дескрипцией «тот..., который», вторые — актами «я именуую», «я истолковываю», а также другими двухчастными структурами с объективно-констатирующей модальностью (структуры с операторами «so» и «dieser»). И наконец, последние вводятся, как правило, в рамках синтагматических и парадигматических единств. Их деление основано на родовых отношениях между понятиями, а также на гипо-

нимических или гиперонимических отношениях между терминами.

На уровне текста отношения между *dfd.* и *dfn.* перерастают в отношения темы и текста. Здесь вступают в действие синтагматический и парадигматический факторы, которые позволяют разграничить термины на парадигматические, так как они выносятся на парадигматическую ось текста, и на синтагматические. Последние несут дескриптивный и рематический характер, они эксплицируют содержание парадигматических терминов. Парадигматические *dfd.* обладают комплексным характером: он включает, как правило, базисный термин, вводимый оператором парадигматизации, и производные от него гипонимы и гиперонимы. Такой *dfd.* выступает терминованным концептом ПЕ.

Текстовой *dfn.* представляет собой обычно серию синтагматических единств, включающих синтаксические структуры с дефинитивной функцией. На уровне парадигматического единства (*ПЕ*) *dfd.* и *dfn.* соотносятся как тема и текст.

¹ Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 27.

² Ахманова Г. И. К вопросу о дефинитивном слове и дефинитивном словосочетании. М., 1972. С. 3.

³ Никитина Е. М. Семантический анализ языка науки. М., 1983. С. 28 и др.

⁴ Все примеры в данной статье взяты из кн.: Immanuel Kant. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Reclam, 1979.

⁵ Попа К. Теория определения. М., 1976. С. 110. и др.

⁶ Попа К. Указ. соч. С. 118.

III. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Эпистемологические предпосылки кантовского учения об органической природе в «Критике чистого разума»

С. В. Корнилов

(Калининградский государственный университет)

Одним из важнейших гносеологических результатов «Критики способности суждения» стало восстановление телеологии. Телеологический метод, первоначально отвергнутый Кантом, получил затем оправдание в изучении органического мира, что свидетельствует о концептуальном разрыве между трактовкой оснований науки, сформулированной в «Критике чистого разума», и методологией исследования живой природы, представленной в последней «Критике». Но не содержала ли критическая эпистемология в самом своем основании соответствующих предпосылок для последующей реабилитации телеологии?

Центральным пунктом кантовской философии науки, как известно, было обоснование принципа причинности. Необходимость его защиты от юмовского скептицизма диктовалась тем